

ПОНИМАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО (ЕВРОПЕЙСКОГО) СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье речь идет о том, что Российская Федерация — это новое государство, которое отличается от империи времен Романовых и от его истории советского периода.

Постсоветское российское общество пребывало в состоянии культурно-ценностной неопределенности и не имело опыта ни гражданской самоорганизации, ни политической жизни при разделении властей, ни опыта согласования интересов всех посредством диалога и компромисса. Поэтому не утвердились в обществе и соответствующие ценности. Устойчивую государственность на основе либерально-демократического социального идеала такая культура создать не позволяет, а встраивает лишь государственность ситуативную, когда возводится бюрократически-авторитарная «вертикаль власти» посредством административного и пропагандистского потенциала.

Стратегической альтернативой ситуативной государственности может быть только современная правовая государственность либерально-демократического типа, подконтрольная гражданскому обществу, ориентация на правовую государственность — это обретение и закрепление новой цивилизационной идентичности.

Речь идет о социальном выборе в пользу европейской или шире, западной цивилизации нового социального времени.

R. Istamgalin

INTERPRETATION OF THE LIBERAL-DEMOCRATIC (EUROPEAN) SOCIAL IDEAL IN POST-SOVIET SOCIETY

The paper proposes that the Russian Federation is a new state, which differs from the empire of the Romanovs' time and its Soviet period.

Post-Soviet Russian society got out of the communist system being uncertain in culture and values. Russian society did not have experience either in civilian self-organisation, or in political life during division of powers, or in co-ordination of all interests through the dialogue and compromise. This culture can not create a stable state system on the base of the liberal-democratic social ideal, it only creates a situational state system, when a bureaucratic-authoritarian "vertical line of power" is made by the administrative and propagandist potential.

A strategic alternative to the situational state system may only consist in the modern legal state system of the liberal-democratic type controlled by civil society. Orientation toward the legal state system implies finding and consolidating new civilisation identity.

The author of the work tells about the social choice in favor of the European or Western civilisation of the new social time.

Распад СССР и вычленение из него Российской Федерации как самостоятельного государства — это принципиально новое социальное начало и по отношению к советскому периоду, и в сравнении со всеми теми процессами, что происходили с российским обществом на предшествовавших этапах его истории. Но постсоветское российское общество, выступая наследником общества времен империи Романовых, существенно отличается и от последнего. И дело не только в уменьшившихся размерах страны и утрате ею имперского статуса.

Российская Конституция, принятая в 1993 г., провозгласила первичность по отношению к государству человеческих прав и свобод, объявив их «высшей ценностью» и признав их естественную, природную обусловленность: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [1, с. 4]. До этого права и свободы могли быть только дарованными «отеческой» властью — самодержавно-императорской или советско-коммунистической. Кроме того, права и свободы тоже впервые стали главным ис-

точником формирования власти и, соответственно, ее легитимации. Общенародные прямые выборы не только депутатов Государственной думы, но и главы государства означали юридически фиксированный разрыв с российской традицией властвования, предполагавшей приоритет государства над обществом и его правами и не предполагавшей поэтому зависимость высшего должностного лица от голосов избирателей. Но многовековая политическая традиция единовластия при этом почти не была поколеблена.

Это позволяет утверждать, что в постсоветской России воспроизведен социальный идеал, во многом схожий с тем, который существовал в стране в последнее досоветское десятилетие: полномочия российского президента близки к полномочиям российского самодержца в 1906–1917 гг.

Однако во времена последнего Романова речь шла о соединении традиционного авторитарного социального идеала с социальным идеалом либерально-демократическим в условиях, когда первый из них был укоренен в жизненном укла-

де большинства населения и соответствовавшей ему «отцовской» культурной матрице. Тогда сама попытка сочетания двух несочетаемых идеалов была проявлением социокультурного раскола российского общества.

В обществе постсоветской России нет уже ни этой матрицы, ни этого раскола. Следовательно, за внешней схожестью социальных идеалов скрывается различие их политической и культурной природы. В думском самодержавии Николая II институциональное воплощение либерально-демократического (европейского) социального идеала осуществлялось на основе компромисса с авторитарной традицией.

Особенность российской постсоветской политической культуры заключалась в том, что вместе с архаичным догосударственным укладом она ликвидировала не только зародыши европейской политической культуры, но и все промежуточные негосударственные структуры между властью и человеком, изолировав тем самым социум и одновременно тотально огосударствив его. Начавшаяся при М. С. Горбачеве демократизация общества выявила готовность советских людей к массовому отречению от него, что позволило демонтировать систему относительно безболезненно. Однако для строительства общества демократического типа нужны были адекватные решению проблем социальные субъекты, которых не было ни в элите, ни среди населения. К тому же элита, выдвинувшаяся в ходе относительно свободных выборов, оказалась расколотой на две противостоявшие друг другу группы, каждая из которых имела собственную легитимную институциональную опору и претендовала на властную монополию.

Это не было возвратом к расколу между догосударственной и государственной культурой, расколу, который выплеснулся в свое время на политическую поверхность в имперской Государственной думе.

Это был конфликт, вызванный резким подъемом политических притязаний со стороны утратившего почву в культуре догосударственного вечевого института советов.

Высший орган советов – российский съезд народных депутатов, созданный по модели съезда общесоюзного, – юридически обладал всей полнотой власти в Российской Федерации. Но еще до распада СССР, по мере ослабления КПСС и утраты ею легитимности, начала выявляться функциональная недееспособность этого института. Полновластные советы, как и раньше, нуждались в дополнении другим институтом, способным восполнить их несамодостаточность. В большевистском и добольшевистском политическом наследстве такового не было, он мог быть или изобретен, или заимствован. Остановились на заимствовании института президентства. Тем более, что прецедент был уже создан М. С. Горбачевым, избранным в 1990 г. президентом СССР. Новизна же заключалась в том, что российский президент, в отличие от союзного, избирался не съездом народных депутатов, а населением. Кроме того, он изначально не был привязан к институту КПСС, между тем как М. С. Горбачев совмещал должности президента и лидера партии. Так в России возник принципиально новый способ легитимации власти высшего должностного лица.

Острейшая политическая борьба за доминирование, развернувшаяся после распада СССР между депутатским большинством съезда и Ельциным, внешне выглядит как традиционное для страны противостояние вечевого и авторитарного идеалов. Соответственно, победа президента над депутатами в результате неконституционного роспуска съезда в сентябре 1993 г. и вооруженного штурма здания (Белого дома), в котором заседали депутаты, могут интерпретироваться как столь же традиционное торжество отечественного авторитаризма. Тем более, следствием этой победы

стало принятие Конституции, наделившей президента уже упоминавшимися обширными полномочиями. Однако такой вывод если и верен, то лишь отчасти.

Авторитарная власть, легитимирующая себя демократической избирательной процедурой, — это власть, лишенная возможности опираться на авторитарно-патриархальную культурную традицию и вынужденная искать опору в противостоящих данной традиции либерально-демократических принципах. Конституционные полномочия российского президента находятся в преемственной связи с прежними социальными идеалами, но не потому, что соотносятся с традиционной культурой, в которой эти модели и обслуживавшие их идеологии были укоренены, а потому, что в обществе не сложилась новая культура при исчерпанности старой. Иными словами, постсоветский конституционный авторитаризм вырос не из традиции, а из нетрадиционности демократической легитимации власти. Можно сказать, что он вырос из демократии.

Демократия базируется, как известно, на представительстве интересов различных групп населения в парламентских институтах и согласовании этих интересов посредством компромиссов. Но если сами интересы еще не оформились и не структурировались, а определяющие их отношения собственности глубоко не укоренились, если «народ» представляет собой атомизированную массу, а в политической элите нет согласия, то демократия либо свертывается (тем быстрее, чем богаче культурная почва для возрождения авторитарного социального идеала), либо трансформируется в персонификацию народного представительства, в воплощение такого представительства в одном лице.

Персонификация народного представительства равнозначна свертыванию демократии, если сопровождается устранением личной и институциональной политической конкуренции. Выборы главы государ-

ства при одном кандидате, запрет на деятельность нелояльных партий, ликвидация парламентского представительства как такового, — подобных примеров «демократического» правления немало. Говоря о персонификации народного представительства, мы имеем в виду не ограничение демократических процедур и не роспуск других выборных институтов, а доминирование одного из них над другими за счет расширенных и юридически фиксированных властных полномочий. Однако такой гибридный тип политического устройства не может быть устойчивым и обречен на эволюцию в одном из двух направлений — демократическом или авторитарном, причем выбор в значительной степени зависит от состояния общества и его социальных идеалов.

Постсоветское российское общество пребывало в состоянии культурно-ценностной неопределенности. Массовые ценности и идеалы — это продукт социального опыта. На выходе же из советской эпохи, когда страна возобновила прерванное в 1917 г. движение к демократии, у российского общества не было опыта ни гражданской самоорганизации, ни политической жизни при разделении властей, ни сопутствующего такому разделению опыта согласования интересов посредством диалога и компромисса. Поэтому не утвердились в этом обществе и соответствующие ценности. И поэтому же в ней сохранялись инерционные установки, свойственные такой культуре. Обеспечить восстановление былой сакральности российских правителей они были не в состоянии. Но их оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить легитимность института единоличной президентской власти при изжитости традиционного авторитарного социального идеала и кризисе подпитывавших его прежних государственных идентичностей — и державно-имперской, и религиозной.

Из сказанного, однако, вовсе не следует, что у постсоветского человека вооб-

ще нет никаких социальных ценностей и идеалов. Но они соотносятся не столько с представлениями людей о желательном институциональном устройстве государственной власти, сколько с ожиданиями, связанными с ее конкретными персонафикаторами. В этом отношении весьма показателен период правления Б. Н. Ельцина.

Его первоначальная легитимация обуславливалась двумя социальными идеалами, которые вызревали и реализовывались в массовом сознании после смерти Сталина. Речь идет об идеалах индивидуальной свободы от силы всепроникающего государства и потребительском идеале индивидуально-семейного благосостояния в его западном варианте, о котором многие имели определенное представление еще в советское время, а другие могли получить недостававшую им информацию в ходе горбачевской перестройки.

Между тем в это нелегкое для страны время никаких новых социальных идеалов в российском обществе не появилось. К концу президентства Ельцина общество по-прежнему готово было делегировать властные полномочия одному человеку и даже соглашаться на их расширение при условии, что, в отличие от Ельцина, он не только сохранит обретенные свободы, но и сумеет пресечь их бесконтрольное использование и обеспечить реальное продвижение к социальному идеалу народного благосостояния.

Политический взлет В. В. Путина стал возможным в силу ряда нестандартных обстоятельств. Его приходу к власти предшествовали вооруженное вторжение чеченских боевиков в Дагестан и взрывы домов с многочисленными жертвами в Буйнакске, Москве и Волгодонске. В результате в массовом сознании актуализировался образ врага, и возник спрос на власть-защитницу. В. В. Путин, назначенный в августе 1999 г. председателем правительства и возобновивший военные действия в Чечне,

которые еще до выборов завершились штурмом и взятием Грозного, стал восприниматься вполне соответствовавшим этому ново-старому измерению.

Но традиционный для России способ легитимации власти войной и военными угрозами имеет собственную жесткую логику. При незавершенной эволюции в сторону авторитарного правления, он влечет за собой усиление авторитарности, т. е. устранение или маргинализацию персонафикатором власти всех других политических субъектов, если таковые еще сохраняются. Состояние постсоветского российского общества такому развитию событий не препятствовало. Культурной матрицей оно уже не предопределялось. Но и противодействия с ее стороны не было тоже: авторитаризм перестал быть социальной ценностью, однако и другой, альтернативной ему ценности при отсутствии опыта демократического правления в стране не возникло. Если же решения своих проблем общество ждет только от персонафикатора власти и не испытывает потребности в обретении собственной политической субъектности, то и власть начинает тяготеть к выстраиванию административной вертикали «поверх» общества и консервированию его в объектном положении. Тот факт, что общество может надеяться при этом самыми широкими конституционными правами, включая право самому выбирать высшее должностное лицо государства, в данном отношении почти ничего не меняет, поскольку возникшая в постсоветской России модель властвования позволяет управлять процедурой выборов и в значительной степени предопределять их исход.

Модель эту создал не В. В. Путин, ее основные базовые основания были заложены при Б. Н. Ельцине, который на президентских выборах 1996 г. первым реализовал ее возможности для ослабления политических конкурентов за счет использования административного и информационного ресурсов.

Вклад В. В. Путина в создание данной модели властвования заключается в том, что он, обладая нерастраченным первичным политическим капиталом, сумел ее достроить, придать ей относительно завершённые очертания.

Когда говорят, что тем самым он стабилизировал государственность, то с этим трудно спорить. Но не менее справедливо и утверждение о том, что стабилизация произошла благодаря более последовательному и целенаправленному, чем мог себе позволить Б. Н. Ельцин, возвращению к традиционной для России авторитарной форме правления. Путин сумел приспособить ее к нетрадиционному для страны способу легитимации власти высшего должностного лица через избирательную процедуру.

Выстраивание очередной отечественной «вертикали власти», замкнутой непосредственно на главу государства, не обошлось без точечных репрессий, но возвращаться к методам Ивана Грозного или Сталина для этого не потребовалось. Новые российские элиты, претендовавшие на политическую субъектность в масштабах страны, были слабы уже потому, что не имели собственных сколько-нибудь глубоких источников легитимности ни в традиции, как бояре Московской Руси, ни в своих политических биографиях, как представители большевистской «ленинской гвардии». Для их маргинализации достаточно оказалось несколько изменить систему регионального представительства на федеральном уровне и ограничить политические контакты оппозиционных элит с населением — прежде всего во время предвыборных кампаний. Учитывая, что серьезного сопротивления общества это не вызвало и что к протестам оппозиционных политиков и журналистов оно осталось невосприимчивым, осуществление такого рода мер стало делом политической техники.

В. В. Путин существенно ослабил субъектность региональных руководителей, лишив их права представлять свои ре-

гионы в верхней палате парламента (Совете Федерации) и учредив для усиления контроля над ними институт представителей президента в семи специально созданных федеральных округах. А после трагедии в северо-осетинском городе Беслане (сентябрь 2004 г.) избранный к тому времени на второй срок В. В. Путин выступил с предложением об отмене прямых выборов губернаторов и президентов национальных республик и переходе к их избранию местными законодательными собраниями при монополии главы государства на выдвижение кандидатур.

Затем была ликвидирована субъектность Государственной думы. Это стало возможным в результате ужесточения контроля над процедурой выборов, который был обеспечен благодаря возросшему — в силу увеличившейся зависимости руководителей регионов от федерального центра — административному ресурсу, подчинению Кремлю основных телевизионных источников информации и лишению неояльной оппозиции источников финансирования, что сопровождалось ликвидацией политической субъектности крупного бизнеса.

Общий предварительный итог проведенных В. В. Путиным преобразований — восстановление персонифицированной однополюсной модели властвования в условиях конституционно закрепленного разделения властей и их выборной легитимации. С точки зрения поставленной текущей цели, т. е. выстраивания «вертикали власти», они обнаружили свою результативность еще до того, как были завершены. Путин легко выиграл президентские выборы 2004 г. — на очищенном от конкуренции политическом поле у него не было и не могло быть серьезных соперников.

В. В. Путина нередко сравнивают с Александром III. Для такого сравнения есть определенные основания. Российский президент, как и его отдаленный предшественник, тоже осуществил пореформен-

ную консервативную стабилизацию посредством усечения субъектности институтов, созданных в предшествующий период. Кроме того, ему тоже приходится противостоять террору. Но если даже отвлечься от кардинальных отличий природы террора прежнего и современного, придется признать, что этим сходство двух правителей и проводимой ими политики исчерпывается.

Первое отличие касается террора и проблемы безопасности в более широком смысле слова. Александру III приходилось выстраивать военно-полицейскую систему защиты от революционных террористов, чьи действия были направлены против высших должностных лиц государства. В современной России высокопоставленные чиновники, по крайней мере на федеральном уровне, защищены достаточно надежно, а главной жертвой террора оказывается население. С подобными угрозами российская государственность в конце XIX в. не сталкивалась, а их аналоги, если и имели место, то во времена более ранние.

У московских Рюриковичей не было проблем с легитимностью их власти. Она обеспечивалась и именем Бога, и «отцовской» культурной матрицей, и династически-наследственным, «природным» принципом правления, и достаточно глубокой милитаризацией жизненного уклада. Современная российская власть, легитимирующая себя выборной процедурой, находится совершенно в ином положении. Ее устойчивость может быть обеспечена только в том случае, если она обнаружит способность защищать население от террористических угроз. Воспользоваться же опытом прошлых отечественных правителей ей не просто уже потому, что те с такими угрозами не имели дела, а если с чем-то похожим и сталкивались, то обвалом их власти и государственности это не грозило.

Либерально-демократический проект в его постсоветском воплощении, как и в досоветском, заинтересованного и благодарного отклика у большинства населения

не нашел. Дело в том, что между двумя воплощениями либерально-демократического проекта есть существенная разница, принципиально важная для понимания и оценки перспектив дальнейшей эволюции российского общества. Разница заключается в том, что протогосударственная культура, унаследованная постсоветской Россией от коммунистического периода, альтернативы европейскому социальному идеалу, в отличие от догосударственной культуры сельских локальных миров, уже не содержит. Противостоять выхолащиванию этого социального идеала в результате подмены свободы и регулирующей ее правовой законности их имитациями она оказалась не в состоянии. Но имитации — это не альтернатива тому, что они имитируют, а свидетельство ее отсутствия.

Протогосударственная культура является протолиберальной и протодемократической, абстракции законности и права в ней уже закрепились, с чем любая власть, претендующая на легитимный статус, вынуждена считаться. Однако долговременно устойчивую государственность такая культура создать не позволяет, а позволяет выстроить лишь государственность ситуативную, когда бюрократически-авторитарная (и уже по одной этой причине неизбежно коррумпированная) «вертикаль власти» возводится посредством административного и пропагандистского блокирования либерально-демократических стремлений общества при сохранении идеологического контакта с ним с помощью либерально-демократической риторики.

Поэтому есть достаточно оснований утверждать, что стратегической альтернативой нынешней ситуативной государственности может быть только современная правовая государственность либерально-демократического типа, подконтрольная гражданскому обществу. Любая другая будет удерживать страну в колее экстенсивности, равнозначной в XXI в. стагнации и деградации. Но ориентация на правовую государственность — это ориентация на

обретение и закрепление новой цивилизационной идентичности. Речь идет о сознательном выборе в пользу европейской или, шире, западной цивилизации нового социального времени.

Такой выбор не означает ни утраты государственного суверенитета, ни подчинения интересам Запада, чем пугают себя и других постсоветские почвенники. Строго говоря, интеграция в европейское (западное) цивилизационное целое предполагает всего-навсего последовательное жизневоплощение тех правовых принципов, которые записаны в действующей российской Конституции. Если эту задачу не считать приоритетной, если на первый план выдвигать поиск каких-то других «национальных идей», призванных обеспечить России особое место и особый статус в современном мире, то эффект в конечном счете окажется (и уже оказывается) прямо противоположным: система, которая не следует провозглашенным ею принципам, а лишь имитирует их соблюдение, стимулов для развития не имеет.

Формирование европейской идентичности не означает и девальвации ее прежних отечественных форм — ни религиозной, ни державной, хотя с утратой последней ее имперской компоненты придется примириться. Интеграция Греции в европейское сообщество не помешала грекам сохранить их православную идентичность.

Не помешает это и народам России. Более того, утверждение в многоконфессиональной России европейской цивилизационной идентичности и европейских цивилизационных стандартов помогло бы консолидировать населяющие ее народы, не прибегая ни к реанимации давно исчерпав-

ших себя прежних методов (провозглашение православия доминирующей государственной религией), ни к идеологическому новаторству (русский этнический национализм). Реализация такого рода проектов — это «новое начало», ведущее к углублению раскола по конфессиональным и этническим линиям. Что касается державной идентичности, сохраняющейся благодаря ядерному статусу и ресурсной самодостаточности страны, то освоение европейского цивилизационного качества ее не ослабит. Напротив, открываемые этим качеством возможности интенсивного развития создадут дополнительные условия для ее укрепления.

Один из основных выводов, к которому мы пришли, заключается в том, что трудности реализации либерально-демократического проекта в России сегодня обусловлены уже не столько ее культурно-типологическими отличиями от Запада, как это было в начале XX в., сколько стадиальным отставанием от него при непринципиальности сохранившихся отличий. Если же либерально-демократический проект конца XX в. был населением снова отторгнут, то причины надо искать не столько в «неготовности народа», сколько в особенностях постсоветской элиты, пытавшейся удерживать общество в атомизированном «объектном» состоянии. Ведь реализация политического проекта, ориентированного не просто на демонтаж коммунистического режима и плановой экономики, а на утверждение либерально-демократической правовой государственности, в постсоветской России даже не начиналась. Решение застарелой российской проблемы снова оказалось отложенным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. — М., 1999.